

DOI 10.15393/j9.art.2014.758

Нина Викторовна Попова

соискатель кафедры теории литературы и литературной критики,
Литературный институт им. А. М. Горького
(Москва, Российская Федерация)
info@popovanina.ru

«РОДОВОЕ НАЧАЛО» В ПОЭЗИИ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА

Аннотация. В статье рассматривается система нравственно-эстетических ценностей, предопределивших основные черты художественной системы П. Васильева. Особое внимание уделено поэмам «Песня о гибели казачьего войска», «Соляной бунт», «Кулаки», «Христоробовские ситцы», «Лето», «Август» и лирике периода 1930–1937 гг. («Прощание с друзьями», «Каменотёс», «Старая Москва», «Город Серафима Дагаева», «Конь», «Верблюд», «Раненая песня» и «Клятва на чаше»). Христианские ценности и христианская символика играют важнейшую роль в мировосприятии, мироощущении и нравственных установках поэтики Павла Васильева. Фольклорные образы и мотивы помогают поэту воплотить эпический и лирический план произведений и выразить исконно русскую идею свободы и добра. Православная русская культура, родовое начало, связь поколений, историческая память, традиции, духовные искания — основные ориентиры и направления самобытной поэзии и образной системы Павла Васильева.

Ключевые слова: Павел Васильев, «родовое начало», христианские ценности, христианская символика, фольклор

В творческом становлении и развитии Павла Васильева основополагающее значение имела православная русская культура и нравственная система духовных христианских ценностей, важнейшей из которых для него стала концепция «родового начала». Родовое начало, память предков, связь поколений — нравственно-эстетические ориентиры П. Васильева и основные направления его художественной системы и образного видения: *Есть такое хорошее слово — родная, / От него и горюется, и плачется, и поется* («Прощание с друзьями», 1936)¹. В стихотворении «Раненая песня» (1933), написанном в эпоху беломоро-балтийской «перековки» людей, отважно прозвучало самое сокровенное: *Мы не отречёмся от своих матерей, / Хотя бы нас ... / Садилы на колья — / Я бы все пальцы выцеловал ей, / Спрятал свои*

слёзы / В её подоле (117). Это о матери. А следующие пронзительные строки этого стихотворения — о Родине:

Вспоминаю я город
С высокими колокольнями
Вплоть до пуповины своей семьи.
Расскажи — что! Родина,
Ночью так больно мне,
Протяни мне,
Родина, ладони свои. (117–118)

Поэзия «новокрестьянских поэтов» (С. Есенина, Н. Клюева, С. Клычкова, А. Ширяевца, П. Орешина), во многом близкая и родственная П. Васильеву, вращалась своими корнями в глубины народного — языческого и христианского — поэтического мирозерцания и вместе с тем была созвучна духовным исканиям первых десятилетий прошлого века своим стремлением «слиться с трудовой народной массой, бесправной и угнетенной, но которая в глазах молодежи являлась носителем светлых нравственных идеалов» [4, 59–60]. П. Васильев внёс в русскую литературу нечто значительное, ошеломляющее. Стихи его — с их «неукротимым звучанием» [6, 277] — рождали новый взгляд не только на поэзию, но и на всю человеческую жизнь. Слово *народное* в полный голос прозвучало в поэте, он сам был — народ, его доля, его гордость и надежда. П. Васильев не только органично вплетал в своё творчество народно-поэтические традиции, поэт сам рождал и возвращал эти традиции.

Фольклорные образы и мотивы помогают поэту воплотить как основной эпический, так и параллельный лирический план своих произведений. Закономерно поэтому, что фольклорное начало, сила и выразительность образов свободно и естественно «живут» в поэмах П. Васильева («Песня о гибели казачьего войска», «Соляной бунт», «Кулаки» «Христолюбивские ситцы», в главах незаконченной лирической поэмы «Времена года» — «Август» и «Лето») и в его лирике. В них присутствует практически все богатство жанрового состава устного поэтического творчества: календарная и семейно-обрядовая поэзия, пословицы и поговорки, загадки,

заговоры, сказки, частушки, причеты. Формы художественного освоения П. Васильевым фольклора многообразны, от прямых переключек и реминисценций до скрытых ассоциаций и аллюзий. Поэт выступает не только как талантливый собиратель и этнограф, он является художником и скульптором своих излучающих властную силу строк, творчески преобразовывая фольклорные традиции в своей поэзии.

Многие критики обвиняли П. Васильева в излишнем натурализме, заменяя понятие «натурализм» вниманием поэта к роли художественной детали. С. Залыгин в своей критической статье «Просторы и границы», предваряющей сборник стихов и поэм Павла Васильева, не без оснований останавливается на этом же вопросе: «...подлинно поэтическая точность — антипод точности натуралистической» [1, 8]. Исследователь творчества поэта Т. Мадзигон тоже считает, что мнение «относительно натурализма поэзии П. Васильева, возможно, возникло в связи с неточной оценкой целого, т. е. идейно-художественного содержания его поэм, а также в связи с отрицательным отношением к самому методу изображения действительности, в котором почти отсутствовал психологический анализ» [3, 45].

Связь с народным творчеством определяла самую сущность поэзии Павла Васильева, питала его своим материнским молоком, силой родной земли, глубоким знанием жизни. Его поэзия — это метафорическая живопись, палитра красок которой являет нам мельчайшие черты характера, чувств, эмоций, отношений, обстановки. Акцентным, смысловым ядром для своего исторического эпоса П. Васильев выбрал судьбу семиреченского казачества — православного воинства, верой и правдой служившего России, словно предвидя его поголовное истребление. Православная вера — нравственная основа всей жизни и быта казаков от рождения до смерти во имя Отечества.

В поэте от рождения жило христианское сострадание к бедам народным, стремление к истоками народного творчества, являющихся живой, яркой и правдивой летописью истории. Даже в опасный период, когда рушили храмы

и сбрасывали кресты, когда властвовала краснокозыночная муза новой революционной поэзии, в произведениях П. Васильева, особенно в эпических поэмах «Песня о гибели казахьего войска» и «Соляной бунт», ощущалась «страшная жажда почвы, земли, живой крови, духа жизни»². Как и многие большие поэты, П. Васильев глубоко чувствовал правду и боль народного слова, радость и печаль его. Для самого поэта, как и для его героев, характерно мучительное преодоление себя, стремление к вере и правде, всегда свойственные русскому народу. Хождение в народ, утверждение своего родового начала, подпитка своего творчества кристально-чистым родником народной обрядовой поэзии — основополагающие устремления духовных поисков П. Васильева.

Мировосприятие П. Васильева насыщено христианской символикой. В ореоле христианского мученичества воспринимался им и образ России, и неразрывно соединённый с ним образ Азии. Рождённый на стыке эпох, «на стыке двух материков, двух культурных пространств» [5, 8] — Европы и Азии — Павел Васильев глубоко знал язык, традиции и обычаи русского, казахского и киргизского народов. В его творчество органично вошли образы, мотивы, интонации и колорит славянской и азиатской культур. Мифопоэтические традиции, уходящие своими корнями в древние культуры, раскрывают неиссякаемые грани его творческой натуры. Колоритные «Песни киргиз-казаков», насыщенный русской обрядовой поэзией и традициями «Соляной бунт», суровая и мрачная обстановка «Кулаков», выразительный своими метафорами «Азиат», восточно-яркая «Ярмарка в Куяндах», прерывистый и стремительный «Джут», нежная пронзительная лирика — все эти произведения ярко раскрывают самобытные особенности его поэтики, глубину его экспрессивной и трагической личности, к нему в полной мере относятся слова царя Соломона — в «чувстве Его бездны разверглись, облака же источили росу» (Притчи 3: 20).

Смерч революции сметает испокон века сложившийся и укоренившийся православный порядок и лад. С болью поэт спрашивает страну:

Расскажи сегодня ладом,
Отчего конец твой лют?
Отчего с мышами рядом
Мастера твои живут?
<...> Но боюсь, что в этих кручах,
В этих горестях со зла,
Ты, вдобавок, нам смогла
Мёртвые с возов скрипучих
Грудой вывалить тела.
Нет, не скроешь, — их немало!
Ведь подумать — среди снегов
Сколько всё-таки пропало
И лаптей и сапогов!
(«Старая Москва», 1932) (161)

От этой беды народной и горькое буйство его поэтической души — восстание за добро и веру. *И реку: о, душа моя, почему лежишь, почему не восстанешь, почему не молишься господу своему? Почему добра жаждешь, сама добра не творя?* — начертано в XI веке на стене Новгородского Софийского собора. А как суметь сохранить христианские заветы в этой кровавой вакханалии времени, не пройдя путь борьбы и ошибок? Но в этот путь его отправила судьба, на этот путь его благословила Родина, оберегая и защищая:

Так, прежде чем, узду ослабив,
В скитанья отпустить, страна,
Простая родина, по-бабьи,
Остерегает пестуна.
(«Раненая песня», 1933) (123)

Христианский образ Пути пронизывает всё творчество и жизнь П. Васильева:

Ой и долог путь к человеку, люди,
Но страна вся в зелени — по колени травы.
Будет Вам помилование, люди, будет,
Про меня ж, бедового, спойте вы...
(«Прощание с друзьями», 1936) (222)

Поэт писал: «...я еду собирать тяжёлые слёзы страны» (221), на его Пути — всё по Высшей воле: *И каждый дождь — как с неба весть — / Но хорошо, что горечь есть, / Что есть, над чем рыдать на свете!* (поэма «Лето», 1932) (357). В поэме встречается один из частых в поэзии П. Васильева образ чаши:

Нам, как подарки, суждены
И смерти круговые чаши,
И первый отблеск седины,
И первые морщины наши. (357)

В христианской традиции «круговая чаша», из которой по глотку отпивают все присутствующие, является знаком духовного братства. Ритуальные чаши используются для Евхаристии (причащения), освящения, миропомазания и других таинств. Чаша — важный атрибут многих христианских святых, величественный символ веры, с нею изображены Богородица, великомученица Варвара, евангелист Иоанн, святые Онуфрий, Фома Аквинский, Фома Бекета, Онуфрий. В сценах распятия Христа в неё стекает кровь Спасителя. Символика чаши во многом зависит от её содержания. У П. Васильева — горькая «круговая чаша» — аллегория несчастной судьбы, страданий и мученичества. Но светлые и красочные строки «мы пьём из круглых чашек лето» (356) приближают образ круглой чаши лета к символике чаши, из которой пророк Илия получал питьё от ангела небесного, она упоминается в Ветхом Завете. И это значительно расширяет диапазон художественной образности поэта, преобразования явлений и их осмысления путём расширения диапазона художественного смысла — *Ты в сердце вслушайся моё, / Зачем так смутно песня спета, / Чтоб ты угадывал её* (356).

В стихотворении «Клятва на чаше» (1934) явственно проглядывает образ Всевышнего: *Брата я привёл к тебе на голос <...> / Тыщи лет торжествовавшей, явной, / Мы семьёй сидели равноправной — / Брат, моя поэзия и ты* (207). Здесь же возникает и вторая чаша — чаша любви к миру, чаша христианского всепрощения и любви — *Чаша у тебя в руках*

вторая... / Ты её поднимешь вновь и вновь, / Потому что, в круг нас собирая, / Вкруг неё, горя и не сгорая, / Навсегда прописано: любовь (208). Поэт вопрошает: Как легко ты держишь эту тяжесть — / Счастье, основу, вечный свет! / Вот он бродит, пенясь и куражась, / Твой настой из миллионов лет! (208).

В поэзии П. Васильева христианская традиция сосуществует с глубинным, языческим миротворчеством, что отчётливо выражено в сказках:

Поверивший в слова простые,
В косых ветрах от птичих крыл,
Поводырем по всей России
Ты сказку за руку водил.
(«Лето», 1932) (355)

Бескрайний простор, многообразие климата Руси, красота земель, культурное пространство традиций и православных ценностей делает душу свободной, а волю — справедливой. Д. С. Лихачев, размышляя в «Заметках о русском» об утраченных чертах русского христианства и основываясь на подробнейшем изучении древней, новой и современной России, делает следующий вывод: «Россия есть доброта и свобода. Простой, добрый русский человек сторонится зла: ему помогает воля, лежащая в основе русского пространства...» [2, 34].

В поэмах и поздней лирике 1933–1937 годов отчётливо выражена исконно русская национальная идея свободы и добра.

В поэме «Соляной бунт» проникновенно и образно раскрывается глубокое духовное преобразование одного из героев, простого казака Григория Босого, усомнившегося в правоте атамана. Он встаёт на защиту киргизской девушки и спасает её. Убивая атамана Корнилу Ильича, он принимает от станичников мученическую казнь.

– Руби!
– Не могу!
– Руби, казак!
– Атаман, нельзя! (295)

Простая сострадающая душа Григория Босого поднялась к высокому христианскому пониманию жизни и смерти во имя жизни. В этом поступке простого парня сосредоточен многовековой христианский опыт добра, прощения и помилования. Об этом говорит П. Васильев, об этом он напоминает нам: *Будет вам помилование, люди, будет...* (222).

Всё творчество — непрерывное раздумье поэта о своём предназначении. Он чувствует себя каменотёсом, по Высшей воле увековечивающим бесценные мгновения жизни:

Но кто владеет этою рукой,
Кто приказал мне жизнь увековечить
Прекраснейшую, выпренною, мной
Не виданной, наверно, никогда?
Ты тяжела, судьба каменотёса.
(Каменотёс, 1933) (180)

Поэзия П. Васильева органично соединила живую стихию русского языка с благовестом его храмов:

И, засияв крестами в синей, как ночь, пыли,
Восемь церквей купеческих сдвинулись и пошли,
Восемь церквей, шатаясь, сдвинулись и пошли —
В бурю, в грозу, в распутицу, в золото, в ковыли.
(«Город Серафима Дагаева», 1931) (129)

П. Васильев выразил в своей поэзии христианский опыт добра, любви, страдания, сострадания и прощения. Образы Пути (символ мученичества) и Чаши (символ Веры) раскрывают глубинные пласты русской души и народного характера, в них воплощены напряжённые раздумья поэта о своём предназначении в мире, страстное стремление к духовному преобразованию, к осознанию смысла жизни и смерти во имя жизни.

Примечания

¹ *Васильев П. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. С. П. Залыгина / Библиографическая справка С. А. Поделкова. Л.: Сов. писатель, 1968. С. 221. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием страниц.*

² *Иванов-Разумник Р. В.* Заветное. Пб.: Эпоха, 1922. С.109.

Список литературы

1. *Залыгин С.* Просторы и границы // Павел Васильев. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1968. С. 5–20.
2. *Лихачёв Д. С.* Заметки о русском. М.: Сов. Россия, 1984. 62 с.
3. *Мадзигон Т. М.* Роль художественной детали в эпическом повествовании Павла Васильева («Христороубовские ситцы») // Филологический сборник Казах. гос. ун-та. Вып. XVII. А–А, 1976. С. 38–52.
4. *Пругавин А. С.* Неприемлющие мира. М.: Задруга, 1918. 188 с.
5. *Сорокин В. В.* Крест поэта. М.: Алгоритм, 2006. 608 с.
6. *Цыбин В. Д.* Удивления. М.: Сов. писатель, 1991. 428 с.

Nina Viktorovna Popova

*An Applicant of the Department of Literary Theory and Critique of
The Maxim Gorky Literature Institute
(Moscow, Russian Federation)*

info@popovanina.ru

CONCEPT OF "GENERIC ORIGIN" AND CHRISTIAN VALUES AS THE MAIN CHARACTERISTICS OF PAVEL VASILYEV'S ARTISTIC SYSTEM

Abstract: This article contemplates the system of moral and aesthetic values which predetermined the main characteristics of Pavel Vasilyev's artistic system, and traces the main stages of his creative biography. The main attention is paid to his key works – poems The Song about Death of Cossack Army, Salt Revolt, Khristolyubovskiye Printed Cottons, Summer, and August, as well as the poems written during the period of 1930–1937 (Farewell to Friends, Stonemason, Old Moscow, Serafim Dagaev's Town, Horse, Camel, Injured Song, Oath on Chalice). The article raises the question about the most important role of the concept of “generic origin”, Christian values and Christian symbolism in Vasilyev's poetics and studies the problem of using various forms of verbal folk art in the art structure of his poems for the reflection of Russian orthodox traditions. The axiological approach and methods of historical typological and structural semiotic methods for studying art texts are used.

Keywords: Pavel Vasilyev, concept of “generic origin,” The Song about Death of Cossack Army, Salt Revolt, Stonemason, Farewell to Friends, Christian values

References

1. Zalygin S. Prostory i granitsy [Spaces and Borders]. *Vasil'ev P. Stikhotvoreniya i poemy* [*Vasil'ev P. Verses and Poems*]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1968, pp. 5–2.
2. Likhachev D. C. *Zametki o russkom* [*Notes on Russian*]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1984. 62 p.
3. Madzigon T.M. Rol' khudozhestvennoy detali v epicheskom povestvovanii Pavla Vasil'eva («Khristolyubovskie sitty») [The Role of Artistic Details in the Epic Narrative Pavel Vasil'ev (“Khristolyubovskiye Printed Cottons”)]. *Filologicheskiy sbornik Kazahskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Philological Collection of Kazakh State University*]. Issue. XVII. A–A, 1976, pp. 38–52.
4. Prugavin A. S. *Nepriemlyushchie mira* [*Unaccepting the World*]. Moscow, Zadruga Publ., 1918. 188 p.
5. Sorokin V. V. *Krest poeta* [*Poets's Burden*]. Moscow, Algoritm Publ., 2006. 608 p.
6. Tsybin V. *Udivleniya* [*Admirations*]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 2001. 428 p.